

Михаил Лифшиц

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187882

Аннотация

Роман «Почтовый ящик», посвященный жизни, быту, устремлениям и интересам советской технической интеллигенции, - явление уникальное. Эта огромная социальная группа, не только по масштабу, но и по влиянию на культуру и общественную жизнь страны, мало описана в советской литературе.

Местом действия в романе избрано реально существующее, но не названное закрытое оборонное предприятие. Главный герой, Сергей Зуев, проживает в романе большую часть своей жизни – рассказ начинается с описания его детских лет, продолжается повествованием о годах учебы в университете и работы в «почтовом ящике». Следом за героем идет и читатель: узнает о жизни в Сибири в 60-х годах, об образовании московских студентов рубежа 60-70-х годов, о работе «оборонщиков» второй половины двадцатого века. В романе ярко представлены персонажи и окружающая их реальность, четко прописаны детали повседневной жизни и нюансы профессиональной деятельности.

Содержание

Предисловие	4
ЧАСТЬ 1. Сережа Зуев	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
ЧАСТЬ 2. Лаборатория	30
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Лифшиц

Почтовый ящик

Посвящаю моей жене Наде.

Если бы не ее любовь и забота,

я не был бы жив и не написал бы этого романа.

Предисловие

Я написал примерно четверть романа, около трех авторских листов, и стал писать предисловие, благо, компьютер позволяет вставлять текст. Предисловие к неоконченной книге.

Герой повествования Сережа Зуев – очень близкий и симпатичный мне образ. Особенности характера этого человека (или персонажа), его судьба, его отношение к работе, к семье – основа сюжета, стержень, на который нанизываются все события романа. Но роман не о Сереже, больше о «почтовом ящике», оборонном предприятии.

На закрытых предприятиях работали миллионы советских людей. Для значительной их части такая работа соответствовала характеру, привычкам и взглядам на жизнь и на труд. То есть людей вполне устраивала. На «почтовых ящиках» был жесткий режим – проходная, секретность, отгулы, увольнительные, борьба за повышение дисциплины. Скорлупа ореха. Тут же и борьба с этим режимом – добиться штампа в пропуске о свободном проходе, отгулять один отгул несколько раз, унести домой что-нибудь полезное для дома. У нас на предприятии на спор с начальником охраны вынесли за проходную наковальню весом около ста килограмм. Тот вышел с тележкой, чтобы вернуть наковальню на место и принес выигравшим спор три бутылки водки. Предмет спора был именно в выносе, потому что вывезти на машине можно и тонну. Возможность унести что-нибудь полезное домой играла важную роль в жизни работников «почтового ящика».

На «почтовом ящике» распределялись блага, это уже внутри скорлупы. Квартиры, которые с трудом, редко, но все-таки доставались сотрудникам от предприятия. Продовольственные заказы: полкило копченой колбасы, пачка чая «со слонем», нагрузка – полкило пасты «Океан», банка минтая в собственном соку. Два заказа на отдел. Дешевые путевки в дома отдыха. Свой детский сад, куда детей работников предприятия брали без очереди. Вся эта мишура составляла большую часть того, что под скорлупой, и возня с ней занимала значительную часть рабочего времени.

Высокие заборы «почтовых ящиков» огораживали от мира и заставляли жить подобной жизнью множество трудоспособных людей, или, как любят называть наши руководители, «населения». И это была важная роль, которую оборонные предприятия играли в жизни страны.

Титульная же задача, отраженная в запутанном виде в названиях всех этих институтов и конструкторских бюро машиностроения, приборостроения, точного приборостроения и так далее, состояла в разработке, испытании, изготовлении и модернизации различных изделий, имеющих непосредственное или косвенное отношение к армии, флоту, КГБ, милиции, космосу, атомной энергетике. Выполнялась эта задача инженерами и рабочими с помощью устаревшей аппаратуры, станков и оборудования, с использованием отобранных военной приемкой, но все равно плохих комплектующих, за маленькую и уравнительную зарплату.

Все это вместе составляет первую характерную черту жизни «почтового ящика», а именно – скотские условия труда.

Вторая характерная черта – очень сложная работа. Конечно, у тех, кто ее делает. В таких условиях, с такой аппаратурой, из таких комплектующих наши инженеры в течение десятков лет создавали вооружение, которое, как теперь всем видно, бывает лучше американского и европейского. Но должен отметить, что для большинства людей, чьей заслугой стали эти успехи, «почтовый ящик» оказался все-таки кладбищем талантов. Была бы у этих людей жизнь полегче, создали бы они неизмеримо больше и военного, и гражданского. Необходимо подчеркнуть, что созданная аппаратура, «изделия», больше соответствуют поставленной задаче, чем бытовая техника, одежда, ширпотреб, еда и прочий отечественный товар. То есть труд инженеров на «почтовых ящиках» более честный, чем труд в других сферах городской жизни. Для контроля за соответствием изделия техническому заданию поставлены специальные люди, представители заказчика, которые следят за качеством разработки. Предусмотрены многочисленные испытания, тщательный многоуровневый контроль. Кроме того, если что не так, то головы полетят. В «оборонке» трудней заморочить голову заказчику, втереть очки, обмануть «лохов», чем в мирных отраслях техники, а тем более в политике, в истории, в журналистике, в юриспруденции и так далее.

Третья особенность работы человека на закрытом предприятии состоит в отстраненности от результатов своего труда. После успешных испытаний и даже принятия техники на вооружение ее непосредственные разработчики поощряются очень мало или вовсе не поощряются. Пришедшие высокие премии и ордена делят между собой руководители предприятия. Медаль «За трудовое отличие» ведущему инженеру, участвовавшему, или не участвовавшему, в отмеченной наградами разработке, могла быть вручена только случайно, по не относящимся к разработке соображениям: давно работает, пообещали, в тот раз хотели дать и не дали и так далее. Мне пришлось как-то вести торжество по случаю шестидесятилетия одного начальника отдела, который тридцать восемь лет проработал в отрасли, был главным конструктором двух разработок, но не входил в начальственную тусовку. В своем слове я пошутил, что юбиляр обласкан руководством – является многократным лауреатом квартальной премии. После этого руководителям, наверное, стало неудобно. Главный инженер пригласил меня к себе и спросил: «Что, у него действительно ничего нет?» После этого моему подзащитному присвоили звание «Почетный радист», тоже не Бог весть что. Как говорят, любая работа заканчивается награждением не причастных и наказанием невиновных.

Думаю, что этих трех особенностей достаточно для того, чтобы объяснить, почему в «ящиках» остались почти одни старики, которые привычно таскаются на работу. Боюсь, что уровень наших разработок теперь опустится. Ведь вновь пришедшим инженерам не у кого учиться. Шестидесятилетний мало чему может научить двадцатилетнего, воспитание новых поколений инженеров должно быть непрерывным процессом. А чтобы начать заново, нужны большие средства, сильная воля и жестокость, как раньше, когда это создавалось в первый раз. Сейчас легче купить за границей. Бытовую технику там и покупают.

Изменение кадрового состава «почтовых ящиков» помимо технических имеет еще и гуманитарные последствия. Забывается обстановка, исчезает дух, который царил на этих предприятиях. Жизнь «почтовых ящиков», которой жили в течение десятков лет миллионы людей, почти не отражена в литературных произведениях. Вспоминается повесть «Работа» (к сожалению, не вспомнил и не нашел, кто автор), роман А.Азольского «Степан Сергеич». Запомнилась грустная и ироничная строка из стихотворения Ольги Богомоловой, наверное, бывшей «инженерки» из «ящика»: «Мы тоже наживались на войне». Скоро про «почтовые ящики» вообще забудут, «ящики» и сейчас уже по-другому называются. Меня один посторонний человек даже не понял, уточнил: «На почте, что ли?» Сам я, совсем недавно расставшийся со своим «ящиком» и сохранивший тесные связи с ним, уже отвык от многого, значит, скоро забуду. Боюсь, что настанет время, когда молодые люди с удивлением

спросят: «Как это могло быть?», как уже спрашивают про разные события нашей истории. Пишу этот роман, пока не забыл.

И, наконец, нужно сказать, что заметная часть инженеров не состарилась в своих «ящиках» и не пропала, когда грянули перемены, а ушла в новую жизнь. Эти инженеры стали предпринимателями, в том числе и крупными, доросшими до осуждаемого звания «олигархов», менеджерами, бухгалтерами (так когда-то бывшие белые офицеры, уцелевшие после революции, шли в бухгалтеры). Некоторые инженеры стали работать в совместных и иностранных фирмах и много получать. Я знаю одну молодую женщину, которая, работая менеджером в американской компании, защитила по своим прежним работам диссертацию в университете и стала кандидатом физико-математических наук. Из этих бывших инженеров оборонной промышленности составила основу для будущего «среднего класса». Может быть, и эти благополучные люди прочитают мой роман и кое-что вспомнят.

ЧАСТЬ 1. Сережа Зуев

Глава 1

Моя история начинается за тысячи километров от Москвы, на юге Читинской области в конце 1960-х годов XX столетия. В тех местах, которые в песне названы «дикими степями Забайкалья».

Сережа Зуев, сын начальника районного отдела милиции, ученик десятого класса, напросился на ночное дежурство со студентами. В поселке работал студенческий строительный отряд из Москвы «Забайкалье-Связь», и отец Сергея майор Зуев сказал командиру отряда, что трактора с кабелеукладчиком нельзя на ночь оставлять в степи без присмотра. Сергеем сразу захотелось самому участвовать в охране тракторов, заодно объяснить москвичам, что их не просто так погнали в степь на дежурство после двенадцатичасового рабочего дня, что его отец не просто так это присоветовал. Они ведь не знали, какой его отец умный и дальновидный человек. Подумают еще, что просто так сказал милицейский майор, для солидности щеки надувает. Ну, конечно, неплохо и с москвичами поближе познакомиться. Подумаешь, ночь не поспать.

А командир отряда аспирант Куличенко долго думать не стал, указал на двух студентов, которых знал по институту, и приказал, чтобы их на «уазике» отвезли после ужина к тракторам и дали бы им два «тулупа монтера связи» под расписку.

– Что? Местный парень с ними поедет? Сколько лет? Семнадцать? Ну, ладно, тогда можно одного. Ты, Коля, поезжай, а завтра расскажешь, как дежурил, – быстро скорректировал свое распоряжение командир, и вопрос об охране был решен.

* * *

– А вы, правда, из Москвы? – спросил Сергей.

– Правда, – усмехнувшись, ответил Коля.

– Из самой? – стал уточнять Сергей.

– Из самой, – сказал Коля и подумал: «Провинция есть провинция. Всегда одно и то же спрашивают. Сейчас скажет, что у него троюродная тетка тоже живет в самой Москве – в Волоколамске».

– А то много есть, кто хочет примазаться, – объяснил свою настойчивость Сергей. – Но я их быстро раскалываю. Спрошу: «Ну, как там ресторан «Арбат» на Ленинском проспекте?», а он в ответ: «Ничего, стоит». Сразу ясно, какой это москвич, и в Москве-то, небось, никогда не был. Ресторан-то ведь не на Ленинском, а на Калининском проспекте!

– А ты был в Москве?

– Был. Но только я был еще маленьким, не помню ничего. Про ресторан – это мне отец рассказывал. Он в Москве учился, а мы с мамой к нему приезжали. Отца потом сюда перевели начальником райотдела с перспективой. Тут кривая преступности очень высоко поднялась. Отец сразу порядок навел. Как стрижка овец или окот, он сразу всех сотрудников на круглосуточное дежурство, и по пунктам. А то там стригали перепьются, драка, поножовщина. Потом спрашивают: «За что ты его убил?», а он и вспомнить не может. И всегда в одно и то же время и в одних и тех же местах. Теперь тише стало в районе. Отца б давно перевели в Москву или в Ленинград, но бояться, что беспорядок тут опять начнется.

– Молодец твой папа, – поддержал сыновью гордость школьника Коля.

– Да уж! Он меня и на охоту берет, и в Читу брал в командировку, – стал неудержимо хвастаться Сергей, но смутился и замолчал – может, москвичу не так все это интересно...

Степь расстилалась неровная, в некоторых направлениях горизонт закрывали невысокие сопки. Между сопками было очень далеко видно.

– Хочешь, пойдем, закат посмотрим вон с той сопки? – предложил Сережа москвичу.

Коля с удовольствием согласился, и они пошли по высокой, до пояса, траве. Трава была подсохшая, грубая на ощупь. Но, все-таки трава, вроде осоки, расступалась легко. А ноги все время ударялись о пенечки. Коля раздвинул траву, присел и стал рассматривать, что там такое мешает идти.

– А, это от кукурузы осталось, – стал пояснять Сережа. – Тут при Хрущеве кукурузу сажали. Об этом в энциклопедии написано, и фотография приведена, только не наш район, а тут недалеко есть. Так и написано: «Возделывание кукурузы на полях Агинского Бурятского национального округа». Но, говорят, снимали у нас, то ли перепутали, то ли у нас панорама лучше получилась. Кукурузу уже десять лет не сажают, а стебли остались, они долго торчат, не перепревают.

– Молодец, все знаешь, – сказал с улыбкой Коля, поднимаясь с корточек. – Ты, прям, чичероне.

– Кто?

– Ну, это итальянский экскурсовод, который все приезжим объясняет, стрекочет без умолку.

Сережа обиделся на слово «стрекочет» и замолчал.

Мальчики взошли на сопочку как раз вовремя – солнце уже почти коснулось горизонта. Сопки отбрасывали длинные тени, черные-пречерные. Вдалеке из одной такой черной тени выползала отара овец и исчезала в другой. Среди отары возвышался пастух на лошади, как будто в бурке, похожий на всадника с папиросной коробки «Казбек».

– Красиво... – сказал Коля. – И овец как много...

Сереже сразу захотелось рассказать про овцеводство в районе, но подумал и промолчал.

Стало быстро темнеть и мальчики пошли назад к тракторам.

– Ты что после школы будешь делать? – спросил Коля.

– В университет поеду поступать, – кратко ответил Сережа.

– В какой? – продолжал расспрашивать Коля.

Сережа подумал, что, наверное, москвич и не собирался его обижать, раз так ровно и доброжелательно расспрашивает. Просто у них такая манера говорить, у студентов, да и «чичероне» не слишком обидное слово. Отец всегда говорит, что обижаться глупо и что «на обиженных воду возят».

– В Томский, на ядерную физику.

– А почему в Томский?

– Ну, у нас все кто в Хабаровск, кто во Владивосток. А Томский – старейший сибирский университет. А у вас в Москве не поступишь...

– А кто у тебя в Томске?

– Никого, в общежитии буду жить.

– А много вас таких, кто физику-математику собирается сдавать вдали от родины?

– Четыре человека.

– Ладно, надо вас пошупать. Я люблю с абитурой возиться.

– С кем? – спросил Сережа.

– Ну, с абитуриентами, с поступающими в вузы. Где бы нам встретиться? Класс в школе дадут?

– Да, я договарюсь.

* * *

Когда Коля вошел в класс, четверо десятиклассников, трое мальчиков и девочка, уже сидели за партами и выжидающе смотрели на дверь. Коля сказал: «Здорово!» и пересадил ребят, чтобы удобно было разговаривать и с каждым по отдельности, и со всеми вместе. Пошла беседа, что называется, собеседование. Коля спрашивал школьников, какие ожидаются вступительные экзамены, устные или письменные, где будут жить в чужом городе, как до него добираться, и тут же вопрос по физике: «Слон забрался на плот. Что нужно знать, чтобы определить, утонет слон или нет?» Ребята смущались, ответить не могли ни на один вопрос, по большей части не представляли, с какой стороны взяться за задачу. Несколько раз Коля воскликнул: «Кошмар! Целина! А ведь вы, наверное, лучшие ученики! Ладно, проремся, месяц еще есть!» Коля своими возгласами совсем вогнал будущих абитуриентов в краску. После почти двухчасового занятия четверка измучилась совершенно, но не сникла. Ребята почувствовали, что вот оно то, настоящее, постигнув которое можно поступать в институт осознанно, а не так, головой в омут...

И начались занятия в школе. По вечерам после работы с восьми до десяти. Коля сагитировал еще двух студентов, вот они по очереди и занимались – алгебра, геометрия, физика. Комиссар, который не очень-то представлял, что ему делать в отряде, уцепился за эти курсы и стал «проводить вокруг них работу». Первым делом попросил Куличенко, чтобы преподавателей отпускали с полдня с работы, если они в этот вечер со школьниками занимаются. Куличенко категорически отказал. Тогда комиссар заявил, что сам будет подменять преподавателей, чтобы они могли готовиться к занятиям. Насильно отправив Колю с работы, комиссар взял кирку, лом и лопату и стал копать яму под кабельный колодец. Но за два часа так сильно устал и так мало сделал, что в последующие дни от подобной деятельности отказался и на общие работы больше не ходил. Зато комиссар написал для районной газеты заметку, в которой хвалил Колю как «настоящего комсомольца, который без отрыва от тяжелого физического труда...», а в Москве при окончательном расчете похлопотал, чтобы Коле дали «комиссарскую премию». Эту премию Коля потратил в кафе «Синичка» на Авиамоторной улице вместе с двумя другими педагогами, которым ни славы, ни денег не досталось. Вместе с ними в пропивании премии участвовали девицы, ни к Аргунску, ни к абитуриентам отношения не имевшие. Так что премия была ничего себе, к счету почти не пришлось добавлять.

* * *

«Какой умный парень Коля, – размышлял Сережа. – Здорово он умеет разговаривать. Не воображает. Хотя иногда и мотает головой: «Ну, вы даете!» Но главное, что разговаривает. Маргошу спросишь: как это решать? Она скажет: это вам не нужно, или: сам подумай. Самое лучшее, что может ответить: «Завтра подойди, разберемся». Но редко и назавтра что-нибудь толковое придумает, как правило, опять отмотается или скажет: «Возьмите эту формулу и подставьте в нее эти числа». «А почему эту?» «Потому что если возьмете другую, то будет неправильно!» Раньше мы думали, что она знает, но воспитывает нас, чтобы мы лучше учились. Потом отец меня спросил: «Вы зачем учительнице физики надоедаете?» Я тоже спросил: «Как надоедаем?», хотя отец говорил, что вопросом на вопрос не нужно отвечать. «Как? Вот так. Не надо требовать от человека того, чего он не может дать». Я даже не понял сначала, что папа хотел сказать. Только потом догадался: она сама не знает! Откуда папа-то в курсе дела? Нажаловалась, может? Интересно, чего она говорила? Мол, я не знаю, а они лезут... Ха-ха-ха. Позор! А Коля так все просто повернет, объяснит, что даже стыдно стано-

вится, почему сам не догадался. Электрон висит между пластинами плоского конденсатора. Все перепутано, откуда взяться, не ясно. А оказывается, пластины-то горизонтальные, электрическое поле тянет электрон вверх, а сила тяжести вниз! Или это, показать графически, где квадратная парабола больше кубической. Ничего не понятно в вопросе. Коля нарисовал прямую, потом кривую, потом другую кривую, потом сравнил их: какая выше идет, такая и больше, а после пересечения кривые местами меняются: была выше, стала ниже. Элементарно, Ватсон! А дальше само пошло без задержки. Сила!»

* * *

– Слушай, Серег, давай, поговорим. Ты – человек взрослый, – подозвал сына майор Зуев.

Сережа почувствовал, что разговор предстоит серьезный, и заволновался: отец вот так с ним говорит, как с самостоятельным человеком, а вдруг он не поймет чего-то, не уловит.

– Я по поводу поступления, – продолжал Зуев. – Что тебе Томск? Я там никого не знаю. В Читу ты не хочешь. Давай-ка в Москву, в Институт связи.

– В Москве труднее поступить.

– Я раньше тоже так думал. А если разобраться? В Томске – университет, а здесь обычный технический вуз, хоть и старинный, но все ж таки не университет. Я с этим парнем, что с вами занимается, поговорил. Он считает, что ты вполне на уровне. Второе, они нам тут сейчас телефонное хозяйство наладят, если в Москве после вуза не зацепишься, будет и дома работа. С московским-то дипломом! А что Томск, что Москва, все одно – далеко от дома. Да учти к тому же, что в Институте связи ты уже немного свой – они тебя в Забайкалье нашли, подготовили и в Москву привезли. Как тут не взять! Тут уж я поговорю, сориентирую кого надо. Ну, чего?

– Да на телефонный факультет неохота... – как-то сник Сережа.

– Чудак, это я к примеру. Там же есть другие факультеты. Парень, преподаватель ваш Николай, сказал, что радиотехнический у них самый научный считается. Но, говорит, этот факультет больше московский, там с общежитием сложнее. Но этот вопрос решим. Я в принципе тебя спрашиваю: может, к ним?

– Нужно подумать, – сказал Сережа. Он внутренне согласился с отцом, сразу принял все его аргументы. Но отец учил Сережу не соглашаться сразу, если есть возможность подождать. Так и полезней, решение созреет, «устаканится», говорил отец. Ну, и солидней, когда не сразу.

– Ну, что ж, подумай, – усмехнулся Зуев.

Глава 2

В конце июля Сергей поехал в Москву подавать документы в Институт связи и сдавать вступительные экзамены. Множество проблем (на какую специальность берут с предоставлением общежития? нельзя ли попасть на другую специальность? где жить во время экзаменов, ведь заявление вовремя послать не успели?) Куличенко уладил по телефону. Множество других Сереже предстояло разрешить самому по приезду. Да и сама поездка – впервые один, так далеко, в такой большой город... Непросто все, необычно.

Сережа справился: получил место в общежитии на время экзаменов, занимался, ходил на все консультации, в библиотеке сидел. Но глубокую дыру, образованную аргунской средней школой, закрыть за столь короткое время было трудно, тем более в одиночку. По шкале «поступающие с предоставлением места в студенческом общежитии» Сережа не проходил, не хватало одного балла.

К окончанию экзаменов в Москву приехал отец. Первые два дня он занимался своими делами, жил в гостинице в центре, и в Лефортове, в Институте связи, появился только один раз – передать материны гостинцы. Экзамены закончились, и отец освободился от своих дел. С утра приехал в общежитие, спокойно и подробно расспросил Сережу, велел сидеть в комнате и никуда не уходить, а сам пошел в институт.

О результатах этого похода отец все рассказал Сереже очень подробно. Он пришел в приемную комиссию узнать, нельзя ли Сережу зачислить в институт без общежития, ведь для этого-то Сережиных баллов хватает. Тут в приемную комиссию зашел ректор и, заинтересовавшись присутствием в комнате милицейского офицера, спросил: «А вы здесь по какому поводу?» Отец объяснил ректору, что он отец абитуриента из Аргунска, что сына готовили к экзаменам студенты из институтского стройотряда, они же посоветовали поступать в свой институт, что Сережа сдал экзамены хорошо, но не проходит по конкурсу среди абитуриентов, нуждающихся в общежитии. Ректор пригласил отца к себе в кабинет, подробно расспросил про занятия с местными школьниками в стройотряде. Слушал, как показалось отцу, с интересом. Потом вызвал секретаря приемной комиссии, объяснил ему, какой у них абитуриент, и сказал, что хотел бы сам посмотреть письменную работу по математике. Пока принесли работу, поил отца чаем с лимоном. Потом вместе с преподавателем кафедры математики весьма заинтересованно рассматривал синусы и косинусы на листочках с Сережиной экзаменационной работой. Обратил внимание, что против одной задачи был поставлен «плюс-минус», и сказал, что, по его мнению, задача решена правильно. В этом случае работа не «троечная», а «четверочная». Что он, как ректор и глава общеинститутской приемной комиссии, считает, что оценку нужно исправить. Вопрос был решен, недостающий балл найден. Но ректор не отпустил преподавателя, а стал рассуждать, что конкурсные экзамены не должны быть конкурсом репетиторов. Московских школьников целый год натаскивали репетиторы, а этого парня готовили их же студенты и всего один месяц по вечерам, а экзамены он сдал успешно, и если бы не общежитие, то поступил бы сам, без вмешательства ректора. А в данном случае ректору как раз и дана власть, чтобы восстановить справедливость, потому что самые хорошие правила приема всего учесть не могут. В общем, ректор был чрезвычайно доволен, что его вмешательство стало осуществлением высшей справедливости. Был момент, когда отец сказал, что можно и без общежития. Тут ректор поморщился, но вполне доброжелательно сказал, что в этом варианте слишком много «но»: временная прописка в чужом доме, траты на квартиру, парень без присмотра, так что, зачем *нам* это нужно?

Рассказ отца полностью соответствовал тому, что происходило в действительности, за исключением одного отличия: встреча отца с ректором была не случайной, отец сразу пошел к ректору и добился приема. Но об этом Сережа никогда не узнал.

Телеграмму домой о поступлении сына в институт Геннадий Петрович Зуев давать не стал. Ничего, потерпят еще сутки, но всю радость доведет полностью, не расплескав ни капли, пусть узнают лично от него. Вернувшись домой с победой, Зуев ничем не проявил своего ликования даже с домашними. Доложил о результатах поездки кратко и спокойно. Дочь Райка, узнав про Сережин успех, подпрыгнула и завопила во весь голос: «Ура! Я всегда вам говорила, что Серега самый умный! Гордитесь, родители, ваш сын – столичный студент! Клево! Кормите меня повкуснее, я тоже буду такая умная!». Потом умчалась во двор хвататься. Жена обрадовалась, расспросила обо всем подробно, сказала, что очень рада, смотрела на мужа с благодарностью. Но чувствовал Зуев, что жена не сомневалась в благополучном исходе, уверена была, что сын поступит, потому что он, Гена, взялся за дело. Хорошо, конечно, что она в нем так уверена. Но есть здесь и недооценка его усилий. Ведь не волшебник же он, каждое новое дело приходится начинать заново. Сколько было сомнений перед тем, как послать сына поступать в Москву, сколько дум передумано... С ректором удачно получилось. Хорошо, что в форме пошел. Хорошо, что на помощь стройотрядовцев сделал упор. Коля этот молодец, командир Куличенко помог. Надо им банкетик устроить, пока не уехали. И, конечно, Серега – хороший парень, о лучшем сыне нечего и мечтать! Выучится, останется в Москве. Может, по научной линии пойдет, он ведь способный. Деньгами поможем, пусть учится, сколько хочет. Женится в столице, и пойдет род московских Зуевых. А то, что он, майор Зуев! Завез семью в степь... Там – Москва, другие возможности! Будет у Сереги сын. Назовут Геннадием, как деда. Эта мысль особенно грела майорское сердце. Зуев настолько увлекся ей, что иногда просыпался ночью от страха, что у Сережи через несколько лет родится не сын, а дочь, которую нельзя будет назвать Генной. Перспектива иметь в Москве внука, названного в его честь, не просто радовала этого умного и практичного человека. Эта перспектива казалась ему целью жизни, наградой за успехи, оправданием всех жизненных неудач и ответом всем недругам. Вот, мол, что бы вы обо мне ни говорили, а, видите ли, сын мой назвал внука Геннадием, моим именем! Зуев посмеивался над собой, сам не понимал, почему так увлекся пустым мечтанием, и полагал, что это признак надвигающейся старости.

Глава 3

На первом занятии Сережа увидел не группу, а только полгруппы, двенадцать человек, потому что занятие было по английскому языку. «Немцы» занимались в другой аудитории. Ребята и девушки входили в кабинет и садились на свободные места, кто как любил – кто поближе к столу преподавателя, кто подальше. Некоторые бормотали себе под нос: «Здравствуйте».

Тут встала одна девчонка, довольно симпатичная, и пошла прямо к Сереже, говоря: «А давайте познакомимся, все-таки пять лет вместе учиться...».

Эта странная фраза всех развеселила, все подняли головы и заулыбались. Сережа сказал девочке.

– Меня зовут Сергей Зуев. Я не москвич, приехал из Забайкалья, живу в общежитии.

Девушка сказала в ответ:

– Так это вы – Зуев? Вы у нас первый мальчик в группе по списку, до буквы «з» идут одни девочки. А я Таня Борисова. Я тоже не из Москвы. Я из Подмосковья. Но мне на электричке ехать ближе, чем некоторым москвичам.

Так Татьяна английскую подгруппу познакомила. Вся группа тоже быстро сплотилась, все были вчерашними школьниками, только двое после техникума, но отличники, поступившие в институт по процентной норме для лучших выпускников техникумов. Еще двое немного поработали, вернее, не «работали», а «стаж зарабатывали», чтобы легче было поступать. Так что все были ровесники, плюс год-два. Многие, особенно мальчишки, радиолюбители. Паяли приемники, ходили в радиокружки, поэтому и стали поступать на радиотехнический факультет. Не случайный, в общем-то, народ. Ну, девочки, конечно, по другим причинам: кому близко к дому, кому родители посоветовали, кому институт глянулся, кто с подружкой... Когда на первом занятии в учебных мастерских мастер сходу предложил первокурсникам нарисовать устройство паяльника, то почти половина группы нарисовала, не задумываясь. Но мастер остался недоволен остальными и сказал: «А чего ж вы сюда пришли?»

Ребята были в основном из простых семей. Отцы – рабочие, служащие, инженеры невысокого уровня, отставные офицеры. Для родителей поважнее институт был слабоват, перспектив особенных для чада не давал. Если попадался студент с хорошей родословной, то только по одной из трех причин. Либо нелюбимый ребенок, который выбирал вуз на собственное усмотрение. Либо неудачный ребенок, кому в элитном вузе не потянуть, поэтому сюда пристроили. Либо родители хорошо сидели в этой отрасли, поэтому нужно было, чтобы ребенок окончил Институт связи, а теплое место для него уже готовилось. Первые были самые умные в группе, вторые – самые глупые, а третьи – немножко в стороне от остальных студентов, потому что несли в себе тайну своей будущей карьеры, недоступной другим, как бы те ни старались учиться. А учиться основная масса студентов старалась.

Сережа очень скучал по своим. Все, что с ним происходило, мысленно пересказывал папе, маме или сестре Райке, всем по-разному, по много раз. Часто писал письма. По телефону поговорить удавалось редко: дорого, разница во времени, да и куда звонить? Отцу на службу?

Иногда виделся в институтском коридоре с Куличенко. Тот всегда улыбался, встретив Сережу, и говорил: «А, крестник, здорово! Как дела? Будут трудности – обращайся!» И бежал дальше. Трудностей, требующих постороннего вмешательства, у Сережи не было. Куличенко, чувствуется, был все время занят, так что этими случайными встречами их общение в учебном году ограничивалось. Однажды Куличенко, встретив Сережу, вместо обычных слов сказал: «О, Сергей! Дело есть. Пойдем!» И потащил Сережу к себе на кафедру. Ока-

залось, что умные аспиранты разобрались в тонкостях телефонной аппаратуры и сделали открытие, что если междугородный телефонный разговор длится меньше сорока секунд после вызова, то платить за него не нужно, не срабатывает счетчик времени. Для приехавших из разных городов аспирантов бесплатные разговоры были большим благом. К этой тайне решили допустить студента Зуева. Куличенко посадил Сережу у телефона, положил перед ним часы с большой секундной стрелкой и сказал, чтобы Сережа звонил в Аргунск. Сережа поговорил с отцом три раза по сорок секунд. В течение месяца Сереже еще один раз удалось связаться с отцом. А через месяц в институт пришел длинный счет: «Ташкент – 1 минута, Ташкент – 1 минута,..... Ташкент – 1 минута, Новосибирск – 1 минута,.... Новосибирск – 1 минута, Куйбышев – 1 минута, Чита– 1 минута....» Получился скандал, аспиранты чего-то не учли.

Изредка Сережа встречался в институте с Колей, с тем парнем, который затеял подготовительные курсы в Аргунске. Коля начинал улыбаться издали, только приметив Сережу на другом конце коридора. Остановившись перед ним и спрашивал его, нравится ли в институте, все ли понятно, как осваивается в Москве. Как будто учительница расспрашивает зашедшего в родную школу выпускника прошлого года. Сережа все подробно рассказывал, но при первой возможности прощался и уходил. Ему не очень нравились эти беседы в коридоре. Может, была в них излишняя сладость? Ведь действительно, не со старушкой же учительницей он разговаривает. Может, Коля ждал, что Сережа будет его каждый раз благодарить, называть благодетелем, как в пьесах Островского? Мол, спас, спасибо, если бы не ты, подметать бы мне улицы до конца жизни... Помог, действительно помог, поблагодарили и дальше двинулись. Что еще? Как правильно себя вести, Сережа не знал и чувствовал себя неловко.

Коля этой неловкости не замечал. Было у Коли в душе приятное чувство, что он помог, сделал дело на пустом месте: сам придумал, сам осуществил. И вот парнишка в Москве учится. Девчонка, единственная девочка из четырех его абитуриентов, поступила в Хабаровске. Сердце Коли, «прирожденного педагога», возликовало, когда он узнал про успехи своих учеников еще там, в Аргунске. Два других выпускника, правда, не попали, но они и были слабее. То, что Коля – «прирожденный педагог», сказал ему отец Сергея, милицейский майор, когда пришел августовским вечером к Куличенко в командирскую каморку. Они позвали Колю, и майор поблагодарил его за сына, пожал руку и вручил бутылку китайского бальзама. Тоже бутылки, но не такие красивые, получили и два других педагога. Потом майор с Куличенко куда-то уехали, и на следующий день на утреннем разводе глаза у командира были красные, по его собственному выражению, как у «бешеного таракана».

После похвал и поздравлений возникла у Коли мысль, что, действительно, немало он сделал для майорского семейства, не бутылкой бы следовало отделаться... Но Коля изгнал эту мысль, не дал ей разрастись и испортить радость от сделанного хорошего дела. Какие могут быть вопросы? Ведь никто его не просил со школьниками заниматься, никто бы с него не спросил, если бы ребята не поступили. Двое-то не поступили, разве кто-нибудь высказывал ему претензии, что недостаточно ребят подготовил? Даже смешно было бы, если б кто-нибудь за это его попрекнул. Да и не по нутру Коле были подобные размышления. Подумал разок-другой и перестал думать на эту тему.

Встречать Сергея Зуева в институте Коле было очень приятно, он с удовольствием разговаривал со своим бывшим учеником, а подробно расспрашивал его об учебе, потому что не прочь был позаниматься с первокурсником, если тому что-то непонятно. Но Сережа помощи не просил, общая тема быстро исчерпалась, а потом Коля «ушел на диплом», в институте стал появляться редко и не виделся больше с Сережей.

Мы тоже больше не встретимся с Колей. Сразу после окончания института Колю призвали в армию и отправили служить в Улан-Удэ, совсем недалеко от Читинской области. Склонность Коли к преподавательской работе заметил внимательный глаз какого-то армей-

ского начальника, и лейтенант Коля два года прослужил преподавателем в школе радиорелейных механиков. Потом не захотел оставаться в армии, вернулся в Москву. Нашел себе место преподавателя в радиотехническом техникуме и работал с удовольствием. Но как-то слабовата была нагрузка для Колиных мозгов. Стал Коля искать себе еще дело. Случайно напал на задачу в институте сельскохозяйственного профиля. Пришла из Америки идея: перед посадкой зерновых культур обрабатывать землю мощным высокочастотным радиоизлучением, чтобы погибли семена сорных растений, а земля после этого не была бы отравлена. В нашем министерстве сельского хозяйства заинтересовались новшеством и решили его проверить, открыли тему в институте, который готовит инженеров для села. Работать по теме взяли, как обычно, нескольких аспирантов, чтобы разобрались, обобщили имеющиеся результаты, чтобы было ясно, с чего начинать. Один из аспирантов должен был заняться радиоаппаратурой, но своих специалистов по радиотехнике в сельхозинституте не было, а тут как раз им Коля подвернулся. Идея об облучении пашни просуществовала недолго, через пять лет тему закрыли, но Коля успел написать и защитить диссертацию. Стал кандидатом наук, а в его техникуме это немало. Коля стал расти по службе. Был и председателем предметной комиссии, и заместителем директора, а к сорока годам стал директором своего техникума. Удачная и заслуженная карьера.

* * *

Жизнь в общежитии была для Сережи, домашнего мальчика, очень непривычной. Полная свобода в рамках имеющихся скудных средств. Средства иногда удавалось пополнить, энтузиасты находили работу на Калининском рынке, на овощной базе в Гольянове или на станции Курская-Товарная и формировали бригаду. Работа была – «бери больше, кидай дальше». Заработанные денежки большей частью тратились на всякие глупости. Всю ночь играли в преферанс и пили пиво. Красиво!

Заниматься в общежитии было сложно: народ, шум. Сидеть в институтской библиотеке Сереже тоже не нравилось, почти то же самое, что в общежитии. Походил по Москве. В Ленинку студентов-первокурсников то записывали, то не записывали. Когда удалось записаться, оказалось, что внутри библиотеки – большие залы, полно людей, очереди заказывать книги, как-то не по душе... Наконец Сережа нашел хорошее место для занятий – библиотека в Политехническом музее, вход с той стороны, где «Детский мир». Залы поменьше, чем в Ленинской, книги легче получать, буфетик маленький со столиками, покрытыми клеенкой. Там Сережа и стал заниматься два-три раза в неделю.

Отношения с ребятами в институте установились быстро и просто. Вместе занимались иногда с одним-двумя парнями, которые тоже любили докапываться до сути, а зубрить не умели. Фейнмановские лекции по физике обсуждали, спорили, книжками обменивались. Собственное место в общежитии тоже придавало Сергею вес в группе. У Сергея можно было пересидеть «окно», можно было иногда переночевать на свободной кровати, можно было собраться просто так, без долгих поисков хаты.

По вечерам Сережа гулял иногда с Таней Борисовой. Она сама его пригласила, сказала: «Ты приехал из Читинской области. Это очень далеко – я смотрела по карте. Теперь ты живешь в Москве, и тебе нужно изучать город, в котором живешь, чтобы потом не пришлось стыдиться своего невежества. Я, хоть и не москвичка, но все равно, что москвичка. Хочешь, я покажу тебе наш прекрасный город?» Танькина манера изъясняться Сережу удивляла, но, по сути, предложение было хорошее, да и Татьяна ничего себе девка. Почему не погулять? Москву Таня знала плохо, но Красную площадь, улицу Горького и Арбат показать могла. Если забирались куда-нибудь подальше, то Таня терялась и доставала план Москвы, в кото-

ром не могла сама разобраться. Зато Сережа с планом управлялся хорошо и быстро выводил в нужное место.

Прогулки обычно кончались тем, что Сережа сажал Таню в вагон электрички на платформе Новая около института. Поехать проводить, наверное, надо было бы, но как-то... В общем, не ездил.

Гуляли по Москве раз или два в месяц весь первый семестр. Мероприятия эти Сережа не воспринимал как «прогулки с любимой девушкой». Знакомила студентка Таня студента Сергея со столицей нашей Родины, и все. Через некоторое время, правда, уже трудно было сказать, кто кого знакомит с Москвой...

Что-то в Татьяне было отпугивающее, потустороннее, робототехническое, ненастоящее. Не тянуло Сережу к этой девушке. Так, за ручку возьмет при переходе улицы или прижмется в автобусе (то ли ты прижмешься, то ли тебя прижмут другие пассажиры)... Да и Татьяна этих мимолетных ласк будто бы не замечала, взяли за руку, держится, перешли улицу – отпустили, и так идет.

Один раз решили перебежать поверху залитый светом Новый Арбат, рядом с подземным переходом, просто так, посмотреть, что будет. Бежали, увертываясь от машин. Перебежали благополучно, стояли счастливые, запыхавшиеся. Подошел милиционер и оштрафовал на три рубля. Таня от этого приключения покраснелась, глаза сияли. Вдруг говорит.

– Скажи, Сережа, а что ты ко мне питаешь?

Сергей очумел.

– Ну, как... Ты мне нравишься, – сказал он смущенно.

– Да... Ты ответил искренне. Если бы ты сказал, что любишь меня, это не могло быть правдой. Мы еще недостаточно знакомы... Спасибо за честный ответ.

«Все, больше с Танькой гулять не пойду, ну ее на фиг!» – подумал Сережа.

Сережа этот зарок не выполнил. Правда, на следующий раз пригласил еще ребят, чтоб не с одной Таней. Пошли в Пушкинский музей. Сережа по рекомендации Татьяны прочитал книжку Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» про художника Ван Гога. Книга захватила, захотелось увидеть картины, с кем-нибудь поговорить об импрессионистах. В музей пошли впятером.

Посмотрели на всадников в латах, на Давида и пошли в зал импрессионистов.

– Слушай, Тань, а почему у нас такая хорошая коллекция импрессионистов, откуда? – спросил Сережа.

– Ну, понимаешь, это ведь не в один год появилось. Энтузиасты музейного дела, искусствоведы собирали экспозицию. Знаешь, как тяжело приобретать картины знаменитых художников? Их можно купить на дорогих аукционах, а можно за гроши в лавке старьевщика... – ответила Таня.

– Да нет, – вмешалась в разговор Люся из их группы. – Был до революции такой коллекционер Щукин, вроде Третьякова, но только по французским картинам. Вот это его коллекция и есть. Вроде бы, у него еще братья были, вот еще от них, потом из коллекций других купцов...

– Не всякий имеет право так конкретно рассуждать об искусстве, – зло перебила Люсю Татьяна. Ей было обидно, что кто-то посторонний вмешивается в Сережино образование. Ведь она столько уже сделала для повышения культурного уровня этого мальчика, а тут, пожалуйста, лезет Люська со своими глупостями.

Люся пожалала плечами и отошла к другой картине. Сереже захотелось пойти за Люськой, еще что-нибудь спросить, но неудобно было оставлять Таню.

Пока ходили по залу, Сережа понял, что Таня «Жажду жизни» то ли не читала, то ли не поняла в этой книге ничего. Не узнавала ни доктора, который лечил художника, ни города

Арля, не могла вспомнить про отрезанное ухо. Так, бормотала что-то о силе искусства... Кто ее знает, что за девка?

Первую сессию Сережа сдал прилично – две пятерки, две четверки. На каникулах думал отдохнуть, отоспаться. Соседи по комнате разъезжались, кто домой, кто в дом отдыха. Хорошо, оставался один. На лыжах надо походить. На кафедре физкультуры обещали лыжи дать. Потом, в Планерной, на базе «Спартака», говорят, можно лыжи на прокат взять. Там горки, рассказывают, класс!

– Сережа, давай пойдем на лыжах! – Таня как будто подслушала Сережины мысли. – Вы, сибиряки, любите ходить на лыжах.

– Да у меня лыж пока нет, – Сереже не хотелось с Танькой.

– Это ничего. У тебя ведь сорок третий размер? У моего папы тоже. Он тебе даст свои лыжи. Приезжай к нам. У нас лыжи можно надевать прямо у подъезда, и в лес. А потом к нам обедать. Очень удобно, и таскать лыжи не надо.

«Вообще-то заманчиво», – подумал Сережа и согласился.

Татьяна каталась на лыжах как корова на коньках. Идти с ней по лыжне было невозможно. Сережа выяснил у пробежавших мимо пацанов, где тут горки, и поехал с Таней туда. Отвел девушку на бугорок, с которого катались пятилетние дети, и велел не стоять, а кататься, чтобы не замерзнуть. А сам нашел приличные склоны, и час наслаждался, пока внизу не замаячила продрогшая Таня.

Потом Сережу накормили очень вкусным домашним обедом. Родители Тани были милые люди, так показалось Сереже. Танькиной «чудинки» в них не чувствовалось совершенно.

Наливая рюмку водки Сергею, Танин отец Андрей Прокофьевич было замаялся, но сказал: «Ничего, после первой сессии можно!» Но больше водки не предлагал, хотя сам выпил рюмки три или четыре. Анне Петровне, матери Тани, и студентам наливал очень вкусное сладкое вино «Кагор».

После обеда все разогрелись, размякли, захотелось погулять. Погодка стояла ласковая, градусов пять мороза и солнышко. Пошли с Таниным отцом. Вот был экскурсовод, не то что дочка! Андрей Прокофьевич рассказал, что городу их тридцать лет. Построили три больших института авиационного и радиотехнического направления, набрали сотрудников, вот и получился город. Костяк коллектива формировали в Москве. Переманить сотрудника из любого института было просто, потому что давали сразу или обещали дать квартиру. Ну, и было, конечно, соответствующее разрешение правительства. А крупным специалистам построили коттеджи, отдельный дом на одну семью. Андрей Прокофьевич так и говорил, указывая на заснеженные двухэтажные домики и почему-то быстро-быстро потирая руки: «А здесь живут доктора технических наук!»

Сам он работал в Москве в КБ-1, старейшем институте, директором которого был сын Берии. Некоторым инженерам порекомендовали перевестись сюда. Ему, молодому специалисту, предложили должность руководителя научно-исследовательской группы, место в общежитии и квартиру, когда женится.

Двадцать лет работал в комплексном отделе, ну а ближе к пенсии ушел на место поспокойнее, сейчас он – начальник лаборатории надежности. Обсчитывает надежность изделий, которые разрабатывают другие. Тут нужен был инженер с хорошим прошлым, из разработки, представляющий, что к чему. Поэтому его и назначили. Работа легче, командировки реже. Денег, конечно, немножко меньше: оклад приличный, но скромнее многочисленные премии за этапы, за пуски и подобное. Так ведь и жизненные задачи в основном решены. И квартира, и дача, и мебель, все это есть, больше не понадобится. Вот только Татьяне помочь определиться в жизни. Ну, разве еще машину думает взять, стоит в очереди в институте, в первом списке. Андрей Прокофьевич покосился на Сергея. Сергей слушал его рассказ с интересом.

Вернулись домой, попили чаю, и Таня проводила Сережу на электричку. Денек получился очень приятный.

Глава 4

Сдав летнюю сессию, Сережа тут же улетел со стройотрядом в Забайкалье. Даже один экзамен пришлось сдавать досрочно. В июле была вообще-то производственная практика, но Сережу отпустили, зачли стройотряд. Базировались на этот раз не в Аргунске, а в Краснокаменске, но все-таки близко, можно было видетаться со своими. Работал каменщиком, как Коля в прошлом году. Клал кабельные колодцы, штукатурил, ровнял верх под перекрытие. Получалось неплохо, довольно ровно. Да и не Лувр, в конце концов, строили, лишь бы прочно было.

О Таньке вспоминал редко, хотя после зимнего визита к ней домой отношения у них стали поближе, больше стал ей рассказывать. Но тоже... Расскажешь ей, а она такое в ответ ляпнет, что не знаешь, как реагировать. Обижаться на нее? Черт-те что. Весной ездил к ним на садовый участок, помогал Андрею Прокофьючу пеньки от старых яблонь выкорчевывать. Дома у них был еще раз при родителях, принимали как своего.

Девушка Татьяна вполне сдобная, обнимать ее приятно. Но не ясно, о чем она думает, когда ее целуешь. Может, в ней аккумуляторы заряжаются? Уехал и забыл почти, два раза написал за лето: жив, здоров, работы много, устаю, рассказал про тебя родителям, тебе от них привет.

* * *

Второй и третий курсы прошли спокойно. Учеба, общежитие, иногда подвертывалась подработка. С Татьяной так же: ни вперед, ни назад. Гуляли, ходили в кино. Учиться ей помогал, Танька явно не тянула. Похоже, что и Таню такие отношения устраивали: могла отчитаться перед родителями, что с Сережей у нее все хорошо. А большего Тане и не требовалось.

Специализации у них на факультете не было, готовили инженеров широкого профиля. Но Сережа решил подобрать себе кафедру. Отец летом сказал: «Ищи узкую специальность по душе». Под влиянием рассказов Андрея Прокофьюча о романтике работы в комплексном отделе пошел на кафедру радиосистем. Не пошло, да и рановато на втором курсе. Потом попробовал поработать на кафедре телефонии, хоть она и относилась к другому факультету. Вдруг действительно придется дома на АТС работать? Но тоже не пошло как-то, и чужой он был на чужом факультете.

Сереже очень понравились лекции по электродинамике. Стал разные книжки читать, докапываться до сути по своей привычке. В предисловии к одному учебнику прочел, что человек, постигший стройную систему, предложенную Максвеллом и Герцем, испытывает наслаждение. Ну и ну! Пошел Сережа, вдохновленный этой фразой, на кафедру антенн, там и остался.

После второго курса снова домой, в смысле в стройотряд. Калга, Кадая – все недалеко от Аргунска.

А осенью Куличенко посадили в тюрьму. Кого-то он сильно разгневал из областного начальства. Наслали проверяющих, стали копать. В стройотрядовской бухгалтерии всегда есть анархия, так что, при желании, нарыть материал можно. Оказывается, всем, кто прилетал на самолете из Москвы, нужно было не полностью оплачивать авиабилеты, а вычитать страховку. Три года, по сотне человек туда, обратно. По мелочи набежало много. Не нашли документов на крупную сумму и взяли под стражу. Потом документы нашли, но уже не выпустили. Начальник районной милиции Зуев пытался помочь, но с ним не стали разговаривать. Упорно искали материалы на Куличенко. Одним путем не получалось, шли дру-

гим. Следователь так и сказал, что он костыми ляжет, но Куличенко ниже планки «хищение в особо крупных размерах» не опустит. Тех, кто мог разделить с командиром отряда ответственность, из местных руководителей или из москвичей, под тем или иным предлогом от этой ответственности освобождали. Кто старый, кто больной, кто воевал.

Всех институтских, кто работал в стройотряде, допрашивали в Москве. Приглашали и Сережу. Набралось их во дворе перед милицией на шоссе Энтузиастов человек двадцать. По одному вызывали.

Следователь стал спрашивать Сережу. Откуда знаете Куличенко? Действительно ли вы были в отряде? Ваша ли подпись в ведомостях? Хорошо ли кормили? Сколько денег было на питание в день на человека?

Сережа горячился: «Вы в доме отдыха когда-нибудь были? Сколько там было в день? Не знаете? Ну и я не знаю. Я каменщиком работал, а не поваром».

Потом сказал следователю.

– Послушайте, я сам из милицейской семьи, про жуликов много знаю. Куличенко – не жулик. Вы бы посмотрели, как он работает! Жулики так не работают.

– Как не жулик, когда есть люди, которые свои подписи в ведомости не признают. Кто деньги получал?

– Ну, не знаю... Небось, на банкеты нужны были деньги, или подмазать кого-нибудь... – невпопад ответил Сережа.

– Ты мне этого не говори, это еще хуже, – усмехнулся следователь.

– Говорю вам, Куличенко не воровал, – снова уверенно сказал Сережа.

– Да что ты мне это говоришь? Мне пришлось поручение из Читы вас опросить. Я вопросники заполню и назад отправлю.

– Тогда можно я свое мнение напишу?

– А что ты напишешь? – спросил следователь.

– Что знаю товарища Куличенко как честного человека, много сделавшего для телефонизации Забайкалья. Честного человека и научного работника.

– Бери свой вопросник и пиши, пожалуйста, – закончил допрос свидетеля следователь.

Следствие тянулось долго, даже на какой-то период Куличенко отпускали домой. Потом все-таки судили и дали десять лет за хищение в особо крупных размерах.

Глава 5

Третий курс кончился, стройотряда больше не было, а домой хотелось нестерпимо. Сережа сдал сессию, отработал практику на радиозаводе и поехал домой.

Поселок Аргунск построили на месте старого маленького поселения с гуранским названием Цурухайтуй. Приняли решение воздвигнуть мощную тепловую электростанцию для питания электроэнергией прилегающих районов братского Китая. Цурухайтуй снесли начисто, правда, чтобы не потерять название, недалёною деревеньку, куда переселили часть жителей, назвали Новый Цурухайтуй. К Аргунску подвели железную дорогу – уголь возить на ТЭЦ, построили несколько десятков двух- и трехэтажных домов, посадили тополя по обочинам прямых улиц, замостили центральную площадь около исполкома и других советских и партийных учреждений, разместили поблизости от поселка штаб погранотряда. Получился не райцентр, а загляденье. Имелись все атрибуты настоящего города: районная газета «Аргунская заря», интеллигенция – инженеры с ТЭЦ, офицеры, учителя, врачи. Мужские развлечения: охота в степи, рыбалка на Аргуни, пикник с барашком – не проблема для уважаемых людей...

Потом отношения с Китаем испортились, силовые кабели, по которым электроэнергию гнали в Китай, на границе обрубали. ТЭЦ стала работать на четверть мощности, но все равно нагрузка для гиганта была маловата – главного потребителя не стало. Теперь станция обслуживала в основном поселок и прилегающие населенные пункты. Напряжение в сети поднималось по ночам до 250 вольт, ТЭЦ распирало от собственной не используемой силы. Поселок немножко захирел, но не слишком: укреплялась погранслужба, были собственные функции столицы района, кое-какая промышленность, овцеводство – все это не давало Аргунску совсем завянуть. Областное начальство выделило даже средства на телефонизацию. За несколько летних сезонов Аргунск связали со всеми окрестными поселками, в самом райцентре появились полсотни домашних телефонов, а на улице были установлены пять монетных автоматов. Действительно – центр, за «двушку» с улицы можно было позвонить любому абоненту районной АТС.

* * *

На вокзале в железнодорожной милиции Сережу ждал заказанный отцом билет на поезд Чита – Аргунск. Купейный, балует батя! Сережа забрал билет и через пять минут уже лежал на своей верхней полке и смотрел в окно. А еще через десять минут поезд тронулся и побежал сперва по городу, а потом между сопками, поросшими багульником. Чтобы лучше было видно, Сережа подогнул матрац и уперся подбородком в лакированную полку. Подбородку было не очень-то приятно, даже больно. Но эта боль нужна была Сереже, потому что немного отвлекала, притупляла волнение. Кто бы мог подумать, что он, взрослый парень, будет так волноваться перед встречей с родителями и сестрой! Вся московская жизнь улетучилась, стала нереальной, как будто не имела к Сереже никакого отношения. Танька, папаша ее, Москва, общага... Все ненастоящее, игра. Он в нее хорошо играет, но ведь играет, а не живет. Домой, домой. Отец, такой родной, такой верный и чудный. Мама, такая любящая, такая любимая. Райка, она как дочка, такая своя, дружок маленький. Ей, наверное, больше всех его не хватает. Не в том смысле, что скучает больше родителей, скучает-то она поменьше, помнит меньше, ребенок все-таки. Нет, а вот так, в жизни. Всегда на Сережу оглядывалась, и в школе, и во дворе, знала, что старший брат за спиной. А теперь как живет одна? Слезы выступили у Сережи на глазах, полка под подбородком стала скользкой, теплой и противной. Как-то в голове зашумело, затошнило слегка. Сережа слез с верхней полки и вышел

в коридор. Голова закружилась сильнее, в глазах потемнело, и Сережа стал падать на пол, машинально уцепившись рукой за поручень внизу окна. Упал на пол, на спину. Наверное, даже сколько-то полежал, пока очнулся. Надо же, обморок. Первый раз в жизни! Хорошо, в коридоре – никого, только девчонка вылупилась из-за стеклянной двери в конце коридора. Рука болела, наверное, в поручне защемило, когда уцепился, и головой немного приложился. Чудеса. Скорей, привести себя в порядок, умыться, просморкаться.

* * *

Сережа с отцом сидели у костра на острове на Аргуни и ждали рассвета. Вообще-то, ловить рыбу на островах пограничники не разрешали. Иногда позволяли сено косить и давали сопровождающего. А так, как они, вдвоем поехать на рыбалку, на ночь – только отец мог договориться. С вечера расставили жерлицы на щуку, пару верш и три маленьких сеточки-«телевизора», а с рассветом собирались половить на удочку и на спиннинг. Настоящей сетью отец никогда не ловил, считал, что раз нельзя, то никому нельзя.

– Серега, хочу с тобой поговорить в общефилософском, что ли, плане, – отец лежал у костра и курил, а рядом на земле стояла кружка с крепким чаем. – Оглядываю я свою жизнь, в сорок пять лет нужно уже такие оглядки делать, и что вижу? Стыдиться особенно нечего. Служил честно, начальству задницу не лизал. Взятки не брал. И жил по совести. Рыбу, видишь, динамитом не глушу, хоть и рыба есть, и динамит есть, и ничего мне за это не будет. Совестно это все говорить, но без вступления такого не обойтись. Так вот, результат не особенно хорош. К тому же – география. Ты посмотри на наши достопримечательности: в каждом городе или поселке какой-нибудь известный человек сидел. Родился здесь один Емельян Ярославский. Блюхер и Уборевич здесь служили, белых и интервентов били, так их самих потом расстреляли. Эта земля не для рождения талантов, а для их смирения... А засел я тут плотно. Справляюсь, и слава Богу. Подполковника, вот, только дали. А я же вижу, кто наверх скачет: ни образования, ни послужного списка настоящего, ни рожки, ни кожи, ни собственного мнения. Бывает, что и в анкете не все чисто, выговор какой-нибудь нехороший по партийной линии, аморалка и прочее. Но умеют как-то втереться в доверие, могут достать чего или устроить. Стало мне, Серега, казаться, что высокомерно я планку держу, моральный кодекс, по-старому, заповеди Христовы, слишком буквально понимаю. Но моя жизнь – это моя жизнь. А с тобой этими мыслями счел необходимым поделиться. Мое мнение такое, что ты должен подумать, как в Москве остаться. Если эту высоту взять трудно, то ты планочку опусти, чтобы легче прыгать было. Ничего, потом отмолишь... или отработаешь. Может, Татьяна эта твоя... Если хорошая девушка, то не грех ускорить... Но тут тебе решать. И Райку нужно будет перетащить. Чтобы и ты, и сестра там были. Держи, сынок, это в голове. Время есть, Раиска только на тот год школу кончит.

Сережа увидел слезы у отца на глазах и тут же потупил взгляд. Сережу лихорадило: никогда отец так с ним не разговаривал. Никогда Сережа не видел, чтобы отец плакал.

– Пап, ну что ты разволновался, честное слова, – заговорил Сережа, опустив глаза. – Ведь все хорошо!?

– Да, хорошо. Но то, что я сказал, то сказал, – отрезал отец.

Навсегда Сережа запомнил этот последний серьезный разговор с отцом. Что это было? Неужели папа предчувствовал то страшное, что ждало их семью, ощутил дуновение смерти, знал, что прощается с сыном навсегда?

Три недели, проведенные с родными, освежили, омыли Сережину душу, какое же счастье иметь таких родителей, такую семью.

Вернулся Сергей отдохнувшим, бодрым. Вот это каникулы!

Глава 6

- Знаешь, Сереж, я хочу тебе прочитать свои стихи... – сильно смущаясь, сказала Таня.
– Валяй! – ответил Сергей, недоверчиво посмотрев на подругу: какие она может стихи написать?
– Ну, вот, послушай, только учти, для меня это очень важно, – Таня прикрыла глаза и стала читать.

Тополь мой опавший, весь заледенелый,
Что стоишь, смущаясь, под пургою белой?...

Сергей изо всех сил старался не улыбаться, ведь Танька предупредила о серьезности момента. Только искорки в глазах не смог погасить, поэтому старался на поэтессу не смотреть.

- Тань, по-моему, я это где-то уже слышал...
– А где? – спросила Таня.
– «Клен ты мой опавший...» – ведь это Есенин, – сказал Сережа.
– Но у него же клен, а у меня тополь, есть и другие отличия, нужно только внимательно слушать, – сформулировала выношенный аргумент Таня.
– Тань, но ведь речь идет не о породе дерева. Музыка стиха, чувства – все есенинское.
– А если я так же чувствую, то что? – со слезами на глазах возразила Таня.
– Знаешь, я в поэзии плохо разбираюсь. Сказал, как подумал. Если хочешь получить настоящую консультацию, то тебе нужно не мне свои стихи показывать, – продолжал сдерживать себя Сережа.
– Да, я тоже так думаю, – с раздражением согласилась Таня. – А куда, по-твоему, мне нужно обратиться?
– Тань, ну я же сказал, что я не по этой части.
– А... Ну, ладно... – сказала Таня.
«Нет, Танька, точно, сдвинутая, нельзя на ней жениться», – уверенно подумал Сережа, когда Татьяна отстала от него со своими стихами.

* * *

Существуют в технических вузах студентки и студенты, которые не понимают вообще ничего. Степень их невежества потрясающа. Ни в одном предмете они не видят сути. Ни одну лабораторную работу они не могут выполнить сами, ни одной задачи не в состоянии решить, ни на один вопрос ответить. Как они сдали вступительные экзамены – загадка. Как они переползают с курса на курс, невозможно объяснить. Конечно, попади они в элитный вуз, их вышибли бы после первой сессии. Но в обычном техническом вузе отчислять в общем-то не принято, если студент – не прогульщик.

Таким студентам часто помогают родители, переписывая и растолковывая лекции. Немного помогают товарищи, выполняя за соседа по бригаде лабораторные работы, или натаскивая на экзамен. Часто преподаватели, будучи не в силах объясняться с придурком, ставят, в конце концов, тройку.

Есть, конечно, и взятки, то есть тройки и четверки, поставленные незнающему студенту за деньги, если преподаватель берет. Есть и приказы не снижать успеваемость, и просьбы знакомых преподавателей поставить хорошую отметку. Но чаще никаких денег

такие студенты не дают, потому что полагают, что и так сойдет. И попросить за них тоже некому, а все равно сходит.

Помолчав перед экзаменатором, помычав в деканате и списав у товарищей все (курсовые, лабораторные, контрольные и, наконец, дипломный проект), эти студенты становятся инженерами.

Татьяна была из этой серой команды.

* * *

Сереза проснулся оттого, что его трясли за плечо. Он сразу понял, что спит на своей койке в общежитии. «Зачем будят?» – подумал Сереза, открыл глаза и повернулся.

Перед ним стоял старший лейтенант Рябошапка, преподаватель с военной кафедры. Рябошапка был в военной форме с красной повязкой на руке – дежурный по кафедре.

– Проснулся, Зуев? Вставай, парень, у тебя горе, – сказал офицер и протянул Серезе голубой лист бумаги с машинописным текстом.

Сергей сел на кровати, взял листок и прочел:

«Сергей зпт дорогой тчк все твои отец зпт мама зпт раиса погибли катастрофе пятого ноября тчк крепись зпт сынок тчк дядя вася тчк»

«Дядя Вася – это майор Пацюк, папин заместитель. Как погибли? Как это могло быть? Боже мой...»

* * *

После совещания в областном управлении, посвященном предстоящей годовщине Октябрьской революции и Дню милиции, несколько старших офицеров, отмеченных в приказе, должны были отправиться с семьями на базу отдыха обкома партии и провести там недельный отпуск. Львовский автобус повез милицейских подполковников и майоров за тридцать километров от города, где среди сопок располагался дом отдыха для областного начальства и гостей из Центра. На железнодорожном переезде в автобус врезался локомотив. Погибли одиннадцать человек, в том числе подполковник Зуев с женой и дочерью шестнадцати лет.

* * *

– Сереза, хочешь, я с тобой поеду в Читу? – спросила Таня.

– Да нет... зачем? – нехотя ответил Сереза. Таньки еще не хватало, и без нее тошно...

– Я понимаю, Сереза, тебе нужно побыть с твоим горем наедине, я не хочу настаивать.

Но я хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть близкий человек, которого ты без малейшего колебания можешь позвать на помощь.

Сереза поднял на нее глаза.

– Да, да, Сереза. Это так. Вот, знаешь, денег возьми у меня, пожалуйста. Я их взяла на билеты в Читу. А раз я не поеду, то они остаются, возьми...

– Откуда деньги-то?

– Родители дали.

– Не, денег не надо, – не очень твердо отказал Сереза.

– Возьми, я от чистого сердца, – Таня протянула Сергею пачечку двадцатипятирублевых.

– Ладно, спасибо, я потом отдам.

– Отдавать не нужно, спасибо, что взял. Это означает, что ты считаешь меня другом... – расчувствовалась Татьяна. Она смотрела на себя со стороны и очень себе нравилась, что она такая взрослая, такая благородная, мудрая и щедрая.

Этот разговор оставил у молодых людей очень теплое воспоминание. «Смотри, Танька – человек, – думал Сережа. – Помощь предложила, денег дала и особо не навязывалась. Видно, у Таньки только оболочка идиотская, а натура добрая и преданная».

А Татьяна была рада, что вела себя так умно и сдержанно. Когда родители сказали, чтобы она предложила Сереже сопровождать его на похороны родных, Таня категорически отказалась. У нее были планы на эти дни. В книжном магазине на Кировской выступал поэт Андрей Вознесенский, и Таня непременно хотела побывать на этом выступлении и передать Вознесенскому свои стихи. Самое удобное мероприятие для передачи стихов как раз встреча с читателями. А у Тани появились такие хорошие строки, что настоящий поэт если бы их прочитал, то мимо бы не прошел. Например, вот эти, посвященные французскому летчику, писателю и аристократу Антуану де Сент-Экзюпери:

Я тебя приручила. Но где же ты сам?
Чтоб могла бы припасть я к твоим ногам!
Знай же, что где бы ты ни ходил,
Ты меня приручил, ты меня приручил!..

Таня всегда плакала, когда читала это свое стихотворение. Целый месяц она ожидала встречи с Вознесенским, а тут родители говорят, что надо куда-то ехать. Она ответила родителям, что человеку нужно одному побыть со своим горем. Отец, было, подпрыгнул от возмущения ее словами, но мать увела его в другую комнату. Через некоторое время они вернулись и сказали, что ехать, вероятно, никуда и не придется. Но у человека такая беда, нужно ему помочь и добрым словом, и материально. Затем родители стали Татьяне объяснять, как вести беседу с Сережей, по несколько раз повторяя, что Таня должна говорить и что, вероятно, скажет Сережа. Так примерно разговор с Сережей и пошел, все-таки у родителей большой жизненный опыт. От себя Таня добавила только, что человеку нужно одному побыть со своим горем, ведь это такие грустные и поэтичные слова. Потом родители дали Тане двести пятьдесят рублей, эти деньги Таня отдала Сереже.

Смерть родных полностью поглотила Сережу. И после поездки в Читту, с которой помогли московские милиционеры, похорон и всего с ними связанного, после всяких имущественных дел и прочего Сережа ни о чем другом не мог думать, только о своих бедных покойниках. Сережа плакал, если видел поезд на переезде, или львовский автобус, или похороны.

Он был, как полупустой кювет, какой-то бескостный. Не мог долго слушать собеседника, отворачивался и уходил. Убегал с лекций через полчаса после начала.

* * *

Таня взяла Сережу за руку и повела за собой на улицу.

У подъезда стояли новенькие «Жигули» ее отца.

– Куда? – слегка уперся Сережа.

– Ничего, ничего, Сереженька, садись в машину, – потянула его Таня.

Андрей Прокофьевич специально приехал за ним, чтобы Сергею не пришлось ехать в ненавистном поезде. Через сорок минут они были у Татьяны дома. Анна Петровна уже накрыла стол.

– Ну, Сергей, давай помянем твоих родных, – сказал Прокофьич. – Не довелось познакомиться, но, по тебе вижу, замечательные были люди. Светлая память!

Танин отец выпил не чокаясь и тут же налил вторую. Мать тоже выпила, и Таня пригубила. Сережа сидел и горько плакал, ничего не понимая.

Так и просидели вечер. Прокофьич пил и закусывал. Хвалил Сережу. Просил, чтобы не раскисал. Объяснял, что деваться все равно некуда, надо жить. Сережа плакал. Пил и ел, когда заставляли. Таня сидела, как кукла, и смотрела то на отца, то на Сережу, иногда под столом гладила Сережино колено. Мать приносила, уносила, подсаживалась к столу, пригорюнясь.

Борисовы оставили Сережу ночевать у себя, а ночью к нему пришла Таня.

* * *

Учебный год прошел как обычно. Некоторые текущие задолженности Сергей досдал, некоторые деканат простил, ребята помогли. К сессии Сергей догнал учебный график. Экзамены Сергей сдал прилично, а Таня, как всегда, еле-еле. Сергей стал снова появляться на кафедре.

Зиму и весну Сережа ночевал то в общежитии, то у Тани. Решили, что в июле, когда сдадут экзамены, распишутся. После похорон пройдет больше полгода, и Борисовы убедили Сережу, что срок достаточный.

Танины родители радостно готовились к свадьбе дочери. Сняли банкетный зал, пригласили родню, человек тридцать, да институтские. Получилось шестьдесят человек. Продукты достали, пригласили повара, официантов. Будь здоров, свадьба!

В подготовке Сережа участвовал активно. Бегал много. Деньги у него кое-какие были. Купил себе костюм, кольца себе и Тане. Очень уж Тане хотелось, чтобы были кольца и машина с мишкой или куклой на радиаторе. Только в церковь отказался идти – сам он некрещеный, а креститься сейчас комсомольцу как-то нехорошо. Но на венчании Танина семья особенно не настаивала.

Таня не делала ничего. Больше всего Сережу удивляло, как привычно Таня ничего не делала. Вставала из-за стола и уходила, само собой подразумевалось, что уберется мать. Приносила домой задание на курсовой проект и клала на стол отцу. Само собой, что чертить должен был отец. Отдавала отцу чужой конспект, взятый «до завтра», и тот, не возражая, сидел допоздна и переписывал пропущенную лекцию. Нет, если оставить конкретное задание, то Татьяна сделает, через пень колоду. Но сама она интересовалась только своими стихами, поездками к каким-то интересным людям, в которые не приглашала Сережу, походами на выставки, про которые могла только сказать, что там было «очень интересно», а что было интересного, рассказать не могла.

Свадьбу сыграли. Родители преподнесли молодым путевку на теплоходную экскурсию на двенадцать дней, и молодые поплыли в свадебное путешествие.

В ноябре, ближе к распределению, Сережа выписался из общежития и прописался к жене. А на распределении ему предложили институт, в котором работал Андрей Прокофьевич. Ректор, председательствующий на комиссии по распределению, видимо, вспомнил, что Зуев приехал издалека, и спросил: «А как с пропиской?» Ему ответили, что Зуев как раз в этом подмосковном городе и прописан. «Тогда все в порядке! – сказал ректор. – Поздравляю вас, это очень хороший институт, а то бы мы вас им не отдали». Вопрос с Сережиной работой был решен. Таню распределили туда же, в отцовский институт.

Глава 7

Сереза вошел в единственную открывающуюся дверь, к которой вела мокрая дорожка. Дверей было много, но открывалась только одна, и время от времени туда-сюда ходили люди с озабоченными лицами.

За дверью оказалась шеренга застекленных будок с вертушками по обе стороны от каждой. Будки были пусты. Только в одной сидела моложавая женщина в зеленоватом форменном платье с ярко зелеными петлицами. Если человек выходил с предприятия на улицу, то он отдавал даме пропуск и беленькую бумажку или, если у выходящего был важный вид, показывал небрежно красную раскрытую книжечку. Если человек приходил с улицы, то он направлялся к своей будке и там облокачивался на ограждение вертушек и посматривал искалочно на кабинщицу. Та как бы не замечала его, но через некоторое время, не глядя на человека, вытискивалась из одной будки и шла к другой. При этом обнаруживался огромный зад и толстые ноги кабинщицы, плохо сочетавшиеся с ее миловидным и молодым лицом. В новой будке она находила в кассе пропуск, отдавала его сотруднику и нажимала ногой на педаль, после чего получивший пропуск имел возможность тазом повернуть вертушку на четверть оборота и оказаться на территории.

Справа от двери, в которую вошел Сереза, на стене на крюках висела батарея, а рядом с ней стояла телефонная будка. Слева в стене было окошечко с надписью «Бюро пропусков». Отдела кадров, вроде бы, тут не было. Сереза нерешительно походил вдоль вертушек, прочитал с одной стороны, что телефон работает только при закрытой двери кабины, с другой стороны около окошечка было написано, когда можно получать разовые пропуска, когда временные, а когда постоянные. На каждой кабинке висел плакатик с указанием размеров разрешенных к проносу вещей, и была схематично изображена женская сумка в виде равнобоочной трапеции с ручкой и стрелками, показывающими как правильно определить ее размеры. Отдела кадров точно не было. Сереза помялся и спросил у кабинщицы, где отдел кадров? Кабинщица весело ответила.

– Да выйдите из проходной и направо первая дверь. Там две надписи: «Партком» и «Отдел кадров», вам на первый этаж. Спросил бы раньше, а то, я думала, ждет кого.

Сереза пошел, куда сказали. За дверью с надписью «Отдел кадров» оказалась комната с диваном и столиком около него. Но в комнате не было ни души. В противоположной стене было еще три двери. Прямо против входной двери находилась еще дверь с надписью «Заместитель начальника отдела кадров», потом дверь «Начальник отдела кадров», затем дверь с окошечком «Прием документов». Сюда Сереза и постучался. В окошечко выглянула сотрудница, сказала: «Первый раз? Иди к начальнику» и захлопнула окошечко. Сереза даже сказать ничего не успел.

Сразу к начальнику Сереза идти не решился и постучался в кабинет заместителя. Оттуда раздался жующий возглас: «Минуточку, сейчас приглашу», а минут через пять зов: «Кто там? Проходите».

– Здравствуйте, – сказал Сереза и уставился на человека, сидевшего сбоку от двери, не как хозяин кабинета, а как тот, кто ведет протокол, записывает, о чем говорят хозяин и посетитель. Человек этот походил на Кощея Бессмертного. Жидкие волосики, зачесанные поперек лысой головы, впалые щеки, огромный нос и глаза, поднимающиеся к ушам и опускающиеся к переносице.

– Наниматься пришел? – сказал Кощей вместо «здрасьте».

Серезе сразу расхотелось с ним разговаривать. Во-первых, Кощей был уж очень страшен, во-вторых, собственное оформление на работу у Серези никак не ассоциировалось с унижительным словом «наниматься».

– Мне к начальнику... – вяло сказал Сережа.

– Ишь, к начальнику! А я старший инженер отдела кадров Черняев Герман Андреевич. Видишь, даже представляюсь тебе. А вы кто будете, как вас звать-величать?

Сережа продолжал удивляться. Если «Кощей Бессмертный» было привычным словосочетанием, то такой нелепой должности, как «старший инженер отдела кадров» он представить себе не мог.

– Я по распределению, из института.

– А, молодая смена. Поздновато что-то, декабрь на дворе. Молодые специалисты уже с августа работают. Как же это так случилось? Пил-гулял, а теперь средств понадобились? Эх, молодость, молодость...

– Я и приду в августе инженером. Я оканчиваю в следующем году.

– Не понял тогда, чего пришел? Анкета у тебя не чистая, так что зимой, что летом, мы таких не берем.

– Практика преддипломная, потом диплом у вас хотел писать в антенной лаборатории, где я буду работать.

– Вы, я вижу, совсем не в курсе. Вы должны понимать, что у нас хоть и называется институт, но тут не учат, а работают. Диплома здесь не дают. Если у вас высшее образование, давайте диплом, будем вас оформлять. А если нет диплома, то, значит, это самое, незаконченное высшее, на инженера оформить не можем. Нас за это тоже по головке не погладят. А в какую лабораторию, так это мы будем решать, где кадры больше нужны. А то, видите ли, и диплом вам писать, и на должность, и в лабораторию. Может, на производстве придется поработать, в цеху. У меня задание фрезеровщика найти. Производство задыхается. А то много вас, белоручек, руки в брюки, хрен в карман.

– Вы что говорите? Я же по распределению.

– Распределение по месту работы дается. А как внутри кадры расставлять, так это уже мы решаем, по производственной необходимости. А по велению сердца, так это пожалуйста на целину, теперь вот на БАМ, через райком комсомола. Но там тоже белоручки не нужны.

– Что-то я не понимаю... – начал закипать Сережа.

– А не понимаете, так идите и подумайте, – расплылся в отвратительной улыбке Кощей.

Сережа выскочил из отдела кадров и понесся назад в проходную, чтобы позвонить Танькиному отцу. Тот довольно спокойно выслушал возмущенные жалобы Сергея, сказал, что Черняева не знает, наверное, он недавно работает, и пообещал все уладить. Велел Сереже ждать в проходной.

Через пятнадцать минут к нему через вертушку вышел невысокий складной человек, очень похожий на репинского запорожца. Это был будущий Сережин начальник лаборатории. «Какой красивый и какой усатый», – подумал Сережа и угадал. Начальника все так и звали «Усатый».

Начальник, как был без пальто и шапки, вышел с Сережей на улицу, завел его в отдел кадров и усадил на вытертый диван.

Беседовали очень хорошо. У начальника была прекрасная речь, лишнего он не говорил, и за каждым словом чувствовалось знание. Начальник произносил «что», упирая на букву «ч», а не как обычно говорят «што». Но к этой особенности его речи Сережа привык за две минуты.

Сережа понравился Усатому, и он рассказывал так, как будто приглашал приятеля поработать в своей молодой и дружной лаборатории. А сам Сережа так просто влюбился в будущего начальника. Сережа впервые разговаривал с коллегой со стороны и с радостью убедился, что они говорят на одном языке. Даже зазнался немножко. Когда на вопрос Сережи: «Какие антенны разрабатывает лаборатория?», Усатый назвал какие, то Сережа, подумав немножко, сказал: «Ну, я думаю, тут нет особых проблем, ... разве что, взаимодействие излу-

чателей». Усатый покосился на Сережу. Он-то хорошо знал, какие есть проблемы, сколько ума, сердца и физических сил требуется затратить на каждую новую разработку. Но ответил сдержанно, мол, вместе поработаем, узнаем, и подумал: «Ничего, молодой еще...»

Закончив разговор с Сережей, начальник подошел к окошечку «Прием документов» и нарочито громко постучал согнутым пальцем. Раздалось игривое: «Кто там?» Женщины за окошечком знали, что стучит свой. «Сто грамм!» – ответил Усатый и подмигнул Сереже. Потом, когда прошло время, Сережа сам усвоил покровительственно-заискивающе-фамильярный тон общения с кадровичками, машинистками, диспетчерами и другими работницами обеспечивающих служб. Всегда нужна была улыбка, шоколадка. А также жесткое сознание собственной силы и того, что требование справедливо и обоснованно. Попробуйте, не сделайте из личного, конечно, одолжения, так я вам устрою неприятности.

– Что-то вы, Зина Федрывна, молодежь обижаете, – шутиливо спросил Усатый показавшуюся в окошечке женщину, по-свойски называя ее Зиной, но при новом человеке добавляя игриво искаженное «Федрывна».

– А я, Альберт Тарасович, особо молодых здесь не вижу, – с улыбкой сказала кадровичка в окошке, величая начальника по имени и отчеству, и нарочно полностью и тщательно выговаривая все буквы, на украинский манер, в ответ на его сокращенное «Зина Федрывна».

– У меня за спиной прячется, так вы его напугали, – ответил Усатый.

– Чего надо-то? – спросила Зинаида.

Начался деловой разговор, с этого момента каждое слово было значимо и должно было быть принято к исполнению, в знак чего Усатый положил правую руку с растопыренными пальцами на кусок фанеры, служащий подоконником по обе стороны окошечка.

– Парень, фамилия Зуев, пока что студент, к нам пришел на преддипломную практику. Должность – техник, оклад восемьдесят рублей, срок – до пятнадцатого марта. Но пропуск нужно оформить постоянный, он и потом будет сюда ходить, без зарплаты, над дипломным проектом работать, а в конце лета придет инженером к нам в лабораторию. Форма у него есть, студенческая, пришлют из института. Вроде все. Давай, распишусь в приемной записке.

– Бу-сделано, товарищ начальник, – сказала Зинаида, подавая бланк записки, но в словах ее была настороженность: уж не приказывают ли ей?

Расписавшись на незаполненном бланке, Усатый поманил Зинаиду пальцем и сказал ей на ухо, приблизившись к окошечку.

– Он Борисова зять, на Таньке его женился. А своих – никого, вся семья трагически погибла. Ты уж, Зинаида, сильно его не гоняй.

– Ладно, Алик, все сделаю, не беспокойся, – тоже вполголоса ответила кадровичка, довольная, что ее снова просят.

ЧАСТЬ 2. Лаборатория

Глава 8

Лаборатория, в которую девушка привела Сережу, представляла собой большую, площадью метров пятьдесят, а то и больше, комнату. Вдоль правой стены стояли желтые лабораторные столы с высокими задними стенками. На этих стенках были укреплены полки, в основном, пустые или с двумя-тремя железками, мотком кабеля или стопкой чертежей. На некоторых стояли приборы, но таких было немного. Ряд лабораторных столов замыкался детским бильярдом с металлическими шарами, довольно большим, с шестью лузами, а в стороне, чтобы не задевали кием, стоял маленький столик с нардами.

Слева от входа размещался двухтумбовый письменный стол с заваленным бумагами суконным верхом и мягким стулом рядышком. Этот стол, побольше остальных и близко к входу, явно был столом начальника лаборатории.

Кроме стола начальника, лабораторных столов, игр и четырех шкафов с книгами и приборами, в комнате размещались три группы по пять столов – рабочие места сотрудников. Две пары столов стояли впритык один к другому, а в узкую щель между ними были вставлены деревянные конструкции из толстой фанеры, разделявшие напротив сидящих сотрудников, чтобы не были «нос к носу», и служившие книжными полками сразу для двух соседей. Пятый стол в каждой группе стоял тоже вплотную к двум другим, но поперек к ним и без полки. Сидящий за ним человек мог видеть остальных четверых. И действительно, за двумя из трех «перпендикулярных» столов размещались начальники секторов. Несколько письменных столов стояли отдельно.

Странным показалось почти полное отсутствие приборов и на письменных столах, и на лабораторных, и на полках. «Ну, да, так и должно быть, – подумал Сережа, – приборы все в антенном зале».

Около левой от входа стены стояли шкафы, на которых горой лежали чертежи, а две других стены были с большими окнами. Вдоль этих стен никакой мебели не стояло, а к рамам вместо подоконников были прилажены ящички с керамзитовыми катышками, из которых по веревкам поднимались зеленые огуречные и помидорные стебли. На некоторых, несмотря на зимнее время, висели красные аккуратные помидоры.

Стены были покрашены в салатный цвет, но, наверное, давно. Краска местам отвалилась или висела чешуйками. Мебель тоже была не новая, но чувствовалась, что крепкая, чиненная уверенной мужской рукой.

В лаборатории было человек восемь. Кто сидел за столом и строил графики, кто беседовал в проходах между столами. Один парень стоял около столика с нардами и раз за разом, видно машинально, кидал кости. В тот момент, когда Сережа вошел в лабораторию, дама в поднятых на лоб очках оторвалась от своих графиков и сказала тому парню: «Виталий, перестань!». Наверное, ее раздражал шум падающих на игровое поле костей.

В целом помещение выглядело довольно обшарпанным, но светлым, теплым, даже веселым. Как любимый гараж или сарай, где хоть и не Эрмитаж, но все на месте и все удобно. Правда, как потом узнал Сережа, «сараям» звали антенный зал, «спецпомещение», где порядка было больше, а комнату, в которую привели сейчас Сережу, называли лабораторией, или «светлым помещением». Эти названия произносили, когда нужно было отличить комнату, где сидели люди, от антенного зала без окон, где проводили измерения.

Девушка подвела Сережу к столу начальника и отошла. Сережа сел на стул и стал ждать. Никто к нему не подходил и на него не смотрел.

Наконец, появился начальник. Минутку поговорили, потом Усатый встал и громко представил Сережу присутствующим сотрудникам. Затем Сережу познакомили с его начальником сектора, показали ему письменный стол и велели разбираться, то есть выкинуть вещи, оставленные предыдущим хозяином стола, и стереть пыль, чем Сережа и занялся.

Ровно в одиннадцать часов за дверью лаборатории раздался женский крик: «Пирожки! Пирожки!», и молодые сотрудники, весело толкаясь, понеслись в коридор. Это пришла Марфа Петровна, тетя Марфуша, и принесла из столовой горячие пирожки в большой утепленной кастрюле с ляжкой, перекинутой через плечо. Кормилица, тетя Марфуша, как ее ждали ребята, завтракавшие в полседьмого утра! Бежали к ней и кричали на ходу: «С чем, тетя Марфуша?» Пирожки бывали «с кашей», то есть с рисом, «со щами», значит с тушеной кислой капустой, с «бульбой» – с картошкой и с «лябстрой», с творогом. Эти все по пять копеек. Еще были по десять копеек – «с котятами», то есть с мясом, и сосиска в тесте, по пятнадцать копеек, про эти говорили: «Вот такие» и показывали кукиш, в котором большой палец изображал торчащую из теста сосиску.

Тете Марфуше очень нравилась молодежь из лаборатории, изредка, лукаво улыбаясь, она называла свою продукцию, как они. Конечно, кроме котят и кукиша, срам какой!

Иногда, не удовлетворенные ассортиментом, ребята устраивали тете Марфуше допрос. Если выяснялось, что пирожки остались только с капустой, потому что тетя Марфуша заходила раньше в другой отдел, то все шумно возмущались, а тетя Марфуша обещала завтра прийти сначала к ним. Пиршество продолжалось пятнадцать минут, теперь можно было дотерпеть до обеда. Сотрудники солидных лет пирожков не покупали.

Самым старым в лаборатории был рабочий, хозяин мастерской. Николай Николаевич перевалил за пятьдесят. Вторым по возрасту шел начальник лаборатории Альберт Тарасович. Ему уже исполнилось тридцать восемь лет, у него было двое детей, отдельная двухкомнатная квартира и готовая кандидатская диссертация. Одним словом, совершенно взрослый человек. Было еще трое сотрудников в возрасте, им было около тридцати пяти, остальные – моложе, в основном до тридцати.

Работы было всегда полно. В то время молодые инженеры не задумывались, открыли ли заказ, научно-исследовательская это работа (НИР) или опытно-конструкторская (ОКР), есть ли перспектива довести изделие до серийного производства или нет, каков источник финансирования и так далее. Делали, что начальник дал, а куда пойдет работа, пусть руководство разбирается. При таком подходе, при большом количестве внутриинститутских НИР и даже внутрилабораторных поисковых работ, загрузка тех сотрудников, которые могли что-то делать, была очень велика. Ну, а тот, кто не мог или не хотел, при сем присутствовал. Вопрос же, может или не может инженер работать, решался в этой обстановке очень быстро. Правда, результаты работ, не подкрепленных постановлениями правительства и министерскими приказами, часто нигде не использовались, что называется, шли «на полку». Зато уровень разработок был очень высок, а молодые специалисты быстро становились специалистами классными.

Помимо работы, к которой относились очень серьезно, у лабораторной молодежи было и все остальное, что бывает в молодежном коллективе.

Молодая жизнь в лаборатории была ключом. Самой молоденькой, двадцатилетней, была та девушка, которая привела Сережу в лабораторию. Ее дразнили Маврикиевной. Она не откликалась и отворачивалась, насупясь, пока не называли, как положено, Света. Дело в том, что, придя в лабораторию полтора года назад, Света представилась, как Светлана Никитична. «А, Никитишна!» – сказали в ответ ребята. «Я – не Никитишна!» – возразила Светлана. «Ну, тогда Маврикиевна!» – тут же ответили ей.

Над Светкой посмеивались. Открыв на переменке в своем вечернем институте запечатанную пачку вафель, Света могла обнаружить вместо вафель аккуратно выпиленные в

размер кусочки фанеры. Выгружая дома из тяжеленного портфеля учебники, могла найти подложенную ребятами чугунную болванку, которую она протаскала целый день: с работы в институт, из института домой. А если бы не разобрала портфель, то носила бы и дольше! Сначала Светлана ужасно обижалась и хотела увольняться. Потом поняла, что шутят над всеми, перестала принимать эти выходки на свой счет и сама стала участвовать в подобных каверзах, устраиваемых другим. Однажды прибили к полу, прямо сквозь подошву, старенькие туфли начальника, которые он переобувал на работе. Светлана сама располагала туфли в «художественном беспорядке», чтобы владелец не догадался, что туфли трогали, а потом Валера Полоскин поработал молотком. Цель затеи состояла в том, чтобы начальник, скинув уличные туфли, сунул ноги в эти и шлепнулся бы, при попытке сделать шаг. Но в этот раз не удалось. Альберта Тарасовича насторожило неестественное расположение прибитых к полу шлепанцев. Он потрогал туфли рукой и сказал: «Вот черти! Ну-ка, отдирайте». Все засмеялись, а Полоскин подошел с клещами и вынул гвозди, приговаривая: «И кто же это мог сделать?»

Тому, что Светлана не уволилась, осталась, способствовало и то, что она была спортивной девушкой, бегала на лыжах, ходила вместе со всеми в подшефную школу играть в волейбол. В общем, Светлана освоилась в коллективе и к моменту появления Сережи в лаборатории уже покрикивала на сослуживцев в спортивном зале за проигранную подачу.

Глава 9

Образование у сотрудников было самое разнообразное. Многие окончили добротные вузы в Москве: Валентина Михайловна – физфак МГУ, Сталина Васильевна – Авиационный, Альберт Тарасович – Энергетический, Сережа Зуев, пока что в нашем рассказе практикант, но через полгода окончит Институт связи. Были выпускники других московских институтов. Один инженер, Миша Севостьянов, учился в Туле, но тоже на дневном факультете и, как положено, в юные годы.

Первые годы работы были для молодых людей продолжением образования, именно эти годы заложили «школу», сформировали специалистов. Не было бы у них в эти годы интересной работы, не было бы, с кем посоветоваться, не получились бы из студентов специалисты.

Эти инженеры свободней, чем другие, чувствовали себя в своей специальности, умели работать с технической литературой и не впадали в ступор при виде сложной формулы.

Упомянутым другим повезло меньше. Путь к инженерному диплому был у них очень длинен и непрямым. Из школы шли в техникум, потом – в армию, потом – в дневной институт, потом – в вечерний, потом – в заочный. В лаборатории было трое студентов вечернего и заочного институтов в возрасте около тридцати лет.

У Валеры Полоскина отец погиб на войне, Валера отца и не видел никогда. Сразу после школы пошел работать радиомонтажником, не мог больше сидеть на шее у матери. Потом армия, потом поступил на вечернее отделение института. А там запустил учебу, и его отчислили. Велели сдать вступительные экзамены, чтобы восстановиться. Он сдал и снова стал студентом своего третьего курса. Подобных отчислений и зачислений было несколько, Валера учебой особенно не занимался, но окончил-таки вуз. К сожалению, это произошло, когда цена инженерного диплома резко упала, можно сказать, никому эта бумажка уже не была нужна. Было ему тогда тридцать пять лет, двенадцать из которых он числился студентом. Зато отсутствие диплома о высшем образовании многие годы тормозило Валерино продвижение по службе, создавая дополнительные сложности при каждом увеличении зарплаты. Валерины золотые руки и светлая голова не могли перебороть ужасного обстоятельства его биографии – «незаконченного высшего образования». Правда, и у самого Валеры выработался определенный комплекс, недоверие к своим полученным на практике знаниям. Валера не понимал, что его ученые товарищи самую главную часть знаний получили, также как и он, в лаборатории, работая с «железом» и общаясь с коллегами.

Несколько раз, невзирая на скромную Валерину должность, Альберт Тарасович пытался поручить ему самостоятельную работу, привлечь к обсуждению принципов построения новых антенн. На Валерку при этом как будто паралич напал, он тупо смотрел на начальника и ничего не говорил. «Ну, Валера, чего молчишь?» – наседал Усатый. Но Полоскин смущался и отшучивался: «А я окладо-некомпетентен решать такие вопросы!» Да и некоторые его сослуживцы считали, что раз нет диплома, то нет оклада, и это справедливо. Когда Маврикиевна через несколько лет окончила свой институт, то стала по этому поводу громко требовать прибавки к жалованью. Сережа спросил ее: «Ты хочешь получать больше, чем Полоскин? Тебя это не смущает?» Новоиспеченную специалистку это не смущало, и она ответила Зуеву: «Но ведь Валера, допустим, не имеет высшего образования». Слово «допустим» она добавляла всегда, наверное, для того, чтобы иметь возможность отказаться от своего мнения, раз оно высказано в столь неопределенной форме. Этим словом Светлана отличалась от другой девицы, которая добавляла «предположим».

Сама Светлана Никитична училась не так, как разгильдяй Полоскин. Она выполняла учебный график, все сдавала вовремя, имея по всем предметам оценку «хорошо», и успешно переходила с курса на курс. Добивалась этого Света простым, но трудоемким способом: она

вызубривала наизусть лекции или главы учебника. Однажды Полоскин вбежал, подпрыгивая, в лабораторию и стал рассказывать, что сейчас в антенном зале сидит Маврикиевна и читает учебник по марксистско-ленинской философии. Прочтет фразу, потом закинет голову, как пьющая курица, закроет глаза и вслух повторит: «Раньше философия была оторвана от жизни». Во время своего рассказа Полоскин корчился и хохотал, как будто его щекотали.

На работе Светлана выполняла в основном вспомогательные функции: отнести бумажки, подготовить документ, если требуется только вставить новые данные в стандартный текст, а самой ничего писать не надо. К теоретической работе она была неспособна. К экспериментальной работе ее изредка привлекали, чтобы покрутить ручку по команде или записать с голоса. Но в экспериментах Света участвовала неохотно, не любила радиоизлучения, берегла здоровья. Светлана постоянно заботилась и о своем здоровье, и о своем авторитете. Как-то Сережа дал ей секретный документ, чтобы подписала его у технологов в соседнем корпусе. Так просто, без оформления, передавать «секреты» другому сотруднику Сережа не имел права, но такие нарушения практиковались сплошь и рядом. По дороге Светка обронила последний листочек из не прошитой еще пачки бумаг. Листок нашли посторонние, подняли и отнесли в Первый отдел. На листочке было написано «ется», последние слоги слова «разрешается», но лист входил в документ, имеющий гриф «секретно». Был небольшой шум. Света испугалась последствий, занервничала и выбрала момент, чтобы наедине сказать Сереже: «Ты смотри, не говори, что это я потеряла. Себе ты все равно уже не сможешь, а меня запачкаешь!» Сережа и не собирался упоминать Светлану, ясно было, что ни к чему она тут. Просто удивился очередной раз свойствам Светкиной души, и все.

Тем не менее, к Светке в лаборатории относились неплохо. Бывают такие индивидуумы, про которых все сразу понимают, что вот такой это человек, и исправить его нельзя, и требовать лишнего нельзя. То, за что другого обязательно попрекнут, устыдят, потребуют извиниться или исправиться, Светлане сходило с рук, проскакивало без последствий. Даже любили ее, помогали задачки институтские решать, житейские советы давали. Вся лаборатория участвовала в устройстве Светкиной личной жизни. Указали ей на подходящего парня, помогли познакомиться, подсказывали, куда с ним сходить, когда можно начать целоваться и прочее. Парень был хороший, но нерешительный. Лаборатория усилила нажим. Достали для Светы и ее избранника туристскую соцстраховскую путевку на Кавказ. Все шло к тому, что после этой поездки молодые люди должны жениться. Но нельзя же уж совсем мужчину в сумочке носить. Решили, что билеты на поезд должен купить парень. Светлана уговаривала его по телефону поехать на вокзал за билетами, а тот никак не соглашался, понимал, что если купит билеты, то поедет, если поедет, то женится, а на это он решиться не мог. Сочувствующие сотрудники побросали свои дела и сидели затаив дыхание вокруг разговаривающей по телефону Светы, иногда шепотом подсказывали ей, что говорить. Ничего не получилось, не поехал. Тогда Полоскин в сердцах махнул рукой, и тут же предложил верный способ заарканить робкого мужика: «Да ты б ему дала!» Но бестолковая Светка не поняла неприличного, но искреннего Валериного возгласа. «Да, нет, – ответила она. – Деньги на билеты у него есть...» Даже Царьков, до которого не все сразу доходило, загоготал после такого ответа.

Виталий Царьков, еще один инженер без диплома, поступил в свое время в институт, но учиться не смог, помешали головные боли. Терпел, боролся, лечился, но боли не проходили. Голова болела и без учебы, однако реже и не так сильно. А, как начнешь читать по много страниц в день, писать, чертить, так никакого спасу нет. Пришлось бросить институт после третьего курса. Что поделаешь?!

Но, бывало, что не бедность, и не болезнь, и не малые способности помешали человеку вовремя получить полноценное образование. Не дало пройти в своем темпе по избранной специальности принятое когда-то неверное решение или случайное обстоятельство. Ваня Лопухин, тоже инженер без диплома и вечный студент-вечерник, в школе был очень спо-

собным мальчиком. Его пожилые родители, отец – отставной сверхсрочник и мать – дворничиха, решили, что Ванька обязательно десять классов должен окончить. Казалось бы, потом, естественно, поступать в институт надо. А папаша и мамаша перепугались, что не по Сеньке шапка. Стали уговаривать сына пойти сначала в техникум, доказывали, кричали, что надо все ступени пройти, все от начала постигнуть, и прочие глупости. Дожали, пошел Ваня в радиотехнический техникум. Не понимали родители Вани, что техникум – это тупик. Парня с улицы брали на работу лаборантом и платили восемьдесят рублей в месяц. И технику, проучившемуся специальности три или четыре года, платили те же деньги и не двигали выше старшего техника с окладом сто десять рублей. Ну, а на последнем курсе техникума случилась у Вани любовь, за ней – женитьба. Пока четыре года на флоте служил, дочка родилась. Отслужил на флоте, пошел работать, вечером учиться. Семья, дети... Какая это учеба?

Также и другой сотрудник лаборатории Толя Гуржий шел к вершинам знаний дальним окольным путем. Имея выраженный талант к точным наукам, Толик поехал поступать в Физико-технический институт. И не добрал одного балла. Ему тут же предложили такую же специальность в Новосибирском университете, сидел представитель из Новосибирска, приглашал абитуриентов, которым чуть-чуть не хватило для поступления на Физтех. Толя подумал и отказался. А дальше – техникум, армия, вечерний институт. Любопытно, что знал я и Толю Гуржия, и Володю Петухова, который вместе с Толей поступал, но набрал на один балл больше. Сейчас Володя, Владимир Андреевич, доктор наук, начальник отдела в крупнейшем институте, известный специалист, умный и обаятельный человек. Редко в жизни можно проследить и увидеть на примере, сколько стоит один балл. Скажут, конечно, что, скорее всего, тут не только этот балл...

Глава 10

То, что Танька ничего не купит пожрать, Сереже было совершенно ясно. Нужно было успеть забежать в «Деревяшку», маленький магазинчик недалеко от проходной. Он мог быть закрыт, но это означало, что там и нет ничего. «Деревяшка» располагалась в глубине дворов, поэтому туда ходили только жители соседних пятиэтажек и работники их «ящика». Продукты в этом магазинчике расхватывали не так быстро, как в магазинах на оживленных улицах. «А если теща уже купила то же самое? Наплевать, пусть лучше пропадет!» – подумал Сережа.

Постоянно принимать тещины заботы и жить под контролем Таниных родителей казалось Сереже унижительным.

К жизни в семье Борисовых Сережа никак не мог привыкнуть. Это была не семья, а штат прислуги для обслуживания Татьяны. Сказать жене что-либо, содержащее просьбу или поручение, было невозможно, даже когда они были вдвоем. На обыкновенное «Тань, дай соль» раздавался вопль тещи: «Что ты, что ты, Сереженька, я подам!» и из комнаты на кухню прибегала Танькина мать и исполняла немедленно. Иногда, плохо расслышав издали, теща делала что-то не то. Тогда она извинялась: «Ой, старая дура, а я не расслышала оттуда». Маячить все время рядом с дочкой теще не разрешал Андрей Прокофьевич, говорил, что у Тани с Сережей должна быть семья. Прокофьич старался вечером увести жену в кино, в гости или просто погулять. Во время прогулки Андрей Прокофьевич объяснял жене, что молодые должны сами выработать распределение обязанностей, им жить. А сам думал, как Сережка подергается, подергается, а потом поймет, что от Таньки проку мало, и будет все делать сам. Вот тогда можно умереть спокойно: смену себе не только взнуздали, но и выдрессировали. А так, как мать хочет, стоять под дверью, прислушиваться и Танькины ляпы исправлять, так нельзя, не вечные же они с матерью, надо думать, что с дочкой потом будет...

Несмотря на тактичное поведение Таниных родителей, несмотря на явно хорошее отношение к нему, Сережа мечтал пожить отдельно. Но как? Двухкомнатная квартира на четверых, ну, скоро будет на пятерых, это условия прекрасные, ни в какую очередь не поставят. В городе есть очередь на жилье, но она не движется. Все новые дома строят только три института, по отдельности или вместе на паях. Все квартиры от предприятий. Первых очередников – в новый дом, следующих – в их освободившиеся квартиры, и так далее. Просить квартиру или хотя бы комнату нужно на работе. Втайне от родителей заниматься этим неудобно. И Сережа сказал Прокофьичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.